

Гипербола

«Я тебе тысячу раз говорил об этом!» – укоряет один собеседник другого. И тот, понутив голову, соглашается с критикой, не пытаясь доказывать, что на самом деле выслушал не тысячу напоминаний, а шесть или семь. Дело в том, что «тысяча раз» — это гипербола, преувеличение — речевой прием, рассчитанный не на буквальное понимание, а на сильное эмоциональное воздействие.

В таком же качестве гипербола входит в язык художественной литературы, являясь важным средством выразительной речи. Гоголевские выражения: «Редкая птица долетит до середины Днепра», «рот величиною в арку главного штаба», шаровары «шириною с Черное море» — никем не воспринимаются буквально, но незамедлительно создают эффект — патетический или комический.

Однако гипербола не просто речевая фигура. Художественное преувеличение — один из важных способов построения сюжета, образной системы, одно из необходимых средств передачи авторской мысли. Нужно уметь видеть и правильно понимать не только явные, очевидные гиперболы, но и более сложные разновидности этого приема, ощущать постоянно присущую литературе внутреннюю потребность в гиперболичности художественного отражения мира.

Вспомним «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» Салтыкова-Щедрина. Почему это вдруг генералы, выйдя в отставку, очутились на необитаемом острове? Да потому, что для них, просидевших свой век «в какой-то регистратуре», жизнь так же непонятна, как необитаемый остров. Сюжетная гипербола Щедрина основана на укрупнении и заострении реального явления, действительного противоречия. И задача читателя не изумляться наивно злоключениям генералов, а вникать в смысл сюжетных гипербол. Проголодавшись, генералы начинают искать мужика, который бы их накормил, — и находят. Опять гипербола! А за ней — важная мысль о том, что генералы, как и прочие сильные мира сего, без мужика, без труженика просто не могут существовать. Накормив генералов, мужик по их приказанию свивает веревочку, чтобы господа могли его к дереву привязать, — и это тоже гипербола, передающая досадную и необъяснимую покорность русского мужика, противоречащую его силе, его богатым возможностям.

Гиперболы Салтыкова-Щедрина отчетливы, порой они переходят в смелое отклонение от житейского правдоподобия, в гротеск. А бывают сюжеты без фантастических элементов; но с большим количеством неожиданных совпадений, внезапных встреч, хитроумных обманов, роковых поединков между героями. Такой гиперболичностью сюжетов отмечены, к примеру, романы Бальзака, Диккенса, Достоевского. И здесь надо думать и говорить не о том, часто ли так бывает в жизни, а о том, каков глубинный смысл «невероятных» с житейской точки зрения событий. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» в результате рокового совпадения случайностей на одного из главных героев — Митю Карамазова ложится тяжкое обвинение в убийстве собственного отца. Но для Достоевского это не просто юридический казус, а нравственно-философская гипербола: Митя не виновен в убийстве, но виновен в моральной безответственности, в утрате границ между добром и злом, в том, что он мог убить отца.

Гипербола — важный способ обрисовки характеров. И это касается не только былинных богатырей с их гигантской силой и доблестью, могучих, полных жизненных сил великанов из книги Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Возьмем такого вполне реалистически изображенного героя, как Базаров из романа Тургенева «Отцы и дети». Поначалу он казался многим критикам и читателям каким-то неправдоподобным. Категоричность мнений и взглядов, грубоватая раскованность поведения, полное равнодушие к благополучию и комфорту, увлеченность наукой и недоверие к искусству — все

эти острые углы характера Базарова воспринимались как чересчур преувеличенные и даже карикатурные. Критик Антонович упрекал Тургенева за увлечение крайностями, утверждая, что литература должна описывать «не аномалии, не исключения, а явления обыкновенные, часто встречающиеся, средние цифры». Писарев тоже обратил внимание на гиперболичность образа Базарова, но истолковал и оценил героя иначе: «...в его личности сгруппированы те свойства, которые мелкими долями рассыпаны в массах, и образ этого человека ярко и отчетливо вырисовывается перед воображением читателя». Время подтвердило правоту Писарева — и в оценке образа Базарова, и в вопросе о художественном отражении жизни. Не «средние цифры», не бледные копии повседневной жизни, а яркие и отчетливые личности, не всегда похожие на реальных людей, но «группирующие» черты многих современников, — таковы подлинные герои своего времени в литературе. Гипербола — одно из важнейших средств художественной типизации.

Художественная гипербола нередко касается и самой авторской мысли. Точка зрения поэта в лирическом произведении не всегда может быть выражена буквальным суждением, высказыванием по принципу «один к одному». Мысль порой сгущена, заострена до предела, ее логическая суть может быть подвергнута эмоциональному преувеличению. Тем самым достигается наивысшее напряжение, кульминация развития сложной авторской идеи. Так, Пушкин в стихотворении «(Из Пиндемонти)» в резкой форме формулирует свои заветные желания:

...Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать...

В этом гиперболически заостренном высказывании выражен вовсе не эгоизм, а страстная жажда свободы, независимости (что становится понятным с учетом последующих слов:

...для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Но, если бы Пушкин не прибегнул бы здесь к гиперболе, мы не могли бы ощутить ту глубину страдания, что звучит в стихотворении. Такой же категоричной остроты исполнены лирические формулы Блока:

Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет!

Мы понимаем эти высказывания не буквально, не как желание «сгнуться», а как сложное выражение позиции автора, находящего подлинную суть жизни в ее трагических сторонах.

Гипербола в лирической поэзии — мощный способ соединения мысли и эмоции, средство создания того прочного сплава, который Маяковский называл «чувствуемой мыслью».

Прием, внешне противоположный гиперболе, но по сути являющийся ее закономерной разновидностью, — литота, то есть художественное преуменьшение. Литота тоже берет начало в обыденной речи. «Я на минуту», — говорит человек, заходя к другому, из чего отнюдь не следует, что он удалится именно через минуту, а не через две или через пять. Как и гипербола, литота широко представлена в фольклоре (классический пример — мальчик с пальчик). Достаточно вспомнить два путешествия Гулливера — в Страну лилипутов и в Страну великанов, чтобы увидеть, как гипербола и литота дополняют друг друга, являясь как бы двумя сторонами одной медали (литоту по этой причине иногда называют обратной гиперболой).

Гипербола подобна увеличительному стеклу, она помогает пристальнее всмотреться в явления жизни, в ее противоречия.